

И. С. АКСАКОВ И А. О. СМИРНОВА

В июне-августе 1846 г. Аксаков пишет два (а при педантичном подходе даже три) стихотворных послания А. О. Смирновой. Они представляют особый интерес не только благодаря высокому уровню поэтического мастерства и не только потому, что хранят на себе очень выразительный отпечаток психологического облика поэта, но и потому, что в них незримо присутствует нигде не названный по имени Гоголь. Раздумья и споры о нем оказали существенное влияние на их тональность, с ним были связаны первопричины того конфликта, который собственно в них и запечатлен.

Александра Осиповна Смирнова была дочерью французского эмигранта А. О. Россета и часто фигурирует в литературе под сдвоенной фамилией – Смирнова-Россет. В молодости фрейлина двора императрицы, она в 1832 г. вышла замуж за Н. М. Смирнова, позднее ставшего калужским губернатором. В Калуге и сложились ее отношения со служившим в этом городе Аксаковым, отношения, которые были одновременно и достаточно близкими, и достаточно сложными.

Отличавшаяся незаурядным умом, образованностью и привлекательностью, А. О. Смирнова на протяжении многих лет входила в ближайший дружеский круг Пушкина, который, по ее свидетельству, имел привычку приходить к ней «всякий день», дружила также со всем пушкинским кругом, в который входили Вяземский, Жуковский, Тургенев, Карамзины, а позднее Лермонтов и Гоголь. Вследствие этого ее имя оказалось прочно вписано в историю русской литературы еще до ее знакомства с Аксаковым.

Как свидетельствуют письма Аксакова к родным, в которых он регулярно сообщал им о своем общении со Смирновой и даже пересказывал происходившие между ними разговоры, впечатление, которое она на него производила, было очень сильным, но отнюдь не таким однозначно положительным, как у многих современников.

Вот несколько фрагментов из письма от 13 ноября 1845 г., в котором он описывает первую (или одну из первых) встреч с ней. «...Я, впрочем, не в состоянии ни о чем другом писать: я так огорчен, так низко упал, с такой высоты: я говорю о Смирновой... Это не женщина, а просто черт, бес. Думал я прежде, что увижу чудо красоты, женщину, в которой «все гармония и диво, все выше мира и страстей...» (*Аксаков полемически использует стихотворение Пушкина «Красавице» («В ней все гармония, все диво»)*) (курсив наш. – Н. П.) В первый раз в жизни я был заранее, впрочем, очарован, мечтал, бог знает что... Я не в силах высказать вам того неприятного, оскорбительного впечатления, которое она на меня произвела... Что Смирнова – олицетворенный ум, – в этом нельзя сомневаться, но в том-то и беда. Какой тут источник вдохновения; замрет, напротив, всякая поэзия, моя душа была так внутренне оскорблена, что я не

решусь ни за что, мне кажется, читать ей свои стихи, где есть хоть малейший оттенок чувства, мечты... Нет, она слишком умна для меня, я же авторитета не имею, и хоть буду стараться узнать покороче, разгадать эту женщину, но на меня уже повеяло таким холодом от нее, что я сам, собственно, сожмусь внутренне, сколько можно. Но я так был разочарован, так огорчен, так все внутри меня поставлено вверх дном, так неприятно нарушен мир, гармония моей души, что я не в силах вам высказать своего впечатления. Сколько ожидал я от свидания с нею! Я совершенно расстроен. Не знаю, как будет дальше» [3, с.213 - 215].

Главное, что впечатляет в этом письме, – не само по себе отношение Аксакова к Смирновой, не то, что ему в ней нравилось, а что вызывало отторжение, его исключительная эмоциональная напряженность, страстность, отразившие саму силу впечатления, которое она на него производила. Когда мы анализируем послания Аксакова к Смирновой, необходимо не упускать из виду, что они отразили не только те конкретные поводы и события, но и сложившийся до их создания эмоциональный фон.

Необходимо напомнить еще несколько слов из письма Аксакова, написанного 15 июня 1846 г., т. е. в тот самый день, которым датировано первое послание к Смирновой: «Да, моя внутренняя гармония опять расстроилась, и я чувствую, что должен еще написать стихи против Александры Осиповны и примирения» [3, с.269]. Очень важно правильно понимать, какой смысл вкладывал Аксаков в слово «примирение», которое сейчас употреблено в письме, а позднее появится и в стихах. Речь идет не о примирении Аксакова со Смирновой, не об улаживании возникшего между ними конфликта, а о расхождении на мировоззренческом уровне, о готовности Смирновой и полной неспособности Аксакова смириться с несправедливыми устоями окружающей действительности.

Только исходя из этого, становится понятной реакция на эти строки Смирновой, которой они стали известны через С.Т. Аксакова и которая отозвалась на них так: «Иван Сергеевич не охотник говорить пустяки, а я, признаюсь, до них большая охотница. Бесплодные жалобы на порядок беспорядка общественного мне надоели тоже и так тяготят мою душу, что я с радостью хватаюсь за каждый пустяк. У Ивана Сергеевича еще много жесткости в суждениях, он не легко примиряется с личностями, потому что он молод и не жил еще» [1, с.336-337].

Но Смирнова напрасно рассчитывала, что Аксаков образумится с годами, он до конца дней остался непримиримым критиком «беспорядка общественного». Спустя три года, когда ожесточенность, вызванная возникшим конфликтом, должна была в известной степени утихнуть, он употребил в письме к Смирновой те же категорические слова: «Вы все говорите о примирении... Мне кажется, что если бы я (не говорю о других) примирился с собою, то я, значит, одевался бы, сделался бесчувствен, просто говоря, заплыл бы жиром» [2, с.438].

Однако, как уже упоминалось, особую остроту конфликта приняли острые расхождения в отношении к книге Гоголя «Выбранные места из

переписки с друзьями». Смирнова была от нее в восторге и писала автору: «Книга ваша вышла под Новый год, любезный друг Николай Васильевич. И вас поздравляю с таким вступлением, и Россию, которую вы подарили этим сокровищем. Странно! Но вы, все то, что вы писали доселе, ваши «Мертвые души» даже, – все побледнело как-то в моих глазах при прочтении вашего последнего томика [5, с.607].

Она, конечно, знала о том остром неприятии, которое встретила книга Гоголя в самых разных кругах тогдашней общественности. Она убеждала его, что «критика Белинского самая пустая», а Аксаковы, дескать, «не созрели до понимания» «Выбранных мест». «Очень рада, – писала она, – что не обретаюсь в числе Аксаковых, живущих по неведомому мне *закону любви*, как и весь славянский мир» [5, с.607-608].

И. Аксаков в те же дни сообщал отцу: «Александра Осиповна вся за Гоголя, но не спорит против ваших возражений, говоря, что указываемое вами – слабости и крайности, от которых он не вполне очистился и т.п. она убеждена, впрочем, что Гоголь не в состоянии более написать «Мертвых душ» [3, с.348]. Когда же через несколько недель аксаковское отношение к книге Гоголя стало известно Смирновой в полном объеме, вспыхнувшая ссора достигла такой остроты, что отношения между ними были полностью прерваны на длительное время.

Переходя теперь непосредственно к разбору посланий И. Аксакова к Смирновой, необходимо предварить его существенным замечанием. Как показывают письма Аксакова, те претензии, которые он предъявлял, нередко были, так сказать, на бытовом уровне, его отталкивали те или иные детали в свойственной ей манере поведения, они расходились во мнениях в вопросах одежды и т.п. Аксаков, человек впечатлительный, реагировал на все это достаточно эмоционально и высказывал по этим поводам раздраженные слова. Но в стихии расхождения между ними вошли в очищенном, возвышенном виде.

Кроме того, в письме Аксаков считает нужным говорить не только о том, что вызывало у него неприязнь к Смирновой, но и отдавать должное ее достоинствам («Что Смирнова – олицетворенный ум – в этом нельзя сомневаться...», «Она слишком умна для меня...» и т.д.). В стихотворении таким оценкам места не нашлось, оно сплошь состоит из негативных отзывов и обвиняющих сентенций.

Поэт говорит о главном – о терпимости адресата послания к порокам окружающего мира и о невозможности для него самого не только занять подобную позицию, но и согласиться на такое право для других:

Вы примиряетесь легко,
Вы снисходительны не в меру,
И вашу мудрость, вашу веру
Теперь я понял глубоко!
Вчера восторженной и шумной,
Тревожной речью порицал

Я ваш ответ благоразумный
И примиренье отвергал! [4, с.73].

Далее идет в сущности изложение процитированного выше письма Смирновой, ставшего известным Аксакову через отца, но изложение полемически заостренное, нацеленное на то, чтобы согласие с точкой зрения Смирновой воспринималось и квалифицировалось как нравственное падение:

Признайтесь, вами
Мой странный гнев осмеян был:
Вы гордо думали: «С годами
Остынет юношеский пыл!
И выгод власти и разврата,
Как все мы, будет он искать
И равнодушно созерцать
Паденье нравственного брата!
Поймет и жизнь, и род людской,
Бесплодность с ним борьбы и стычек,
Блаженство тихое привычек
И успокоится душой» [4, с.73-74]

На это следует страстный ответ: поэт просит Бога избавить его от такого «блаженства», не дать ему «опытом и ленью Тревоги сердца заглушить» «Житейская мудрость», которую пророчит ему Смирнова, – ложь. Он подтверждает незыблемую верность тем этическим устоям, которые делали его смешным и странным в ее глазах. Он обращается к Богу со словами:

От примирения спаси!
Пошли мне бури и ненастья,
Даруй мучительные дни, –
Но от преступного бесстрастья,
Но от покоя сохрани!

Он хочет «тяжелых трудов», «борьбы суровой», в которых возмужает, окрепнет, вырастет его дух и «окрылившись силой новой / Направит выше свой полет!». А его обращение к Смирновой принимает тональность обличающей инвективы:

вам в душу недостойно
Начало порчи залегло,
И чувство женское покойно
Развратом тешиться могло!

И далее в том же духе: «ваше примиренье – Не христианская любовь», вы пришли к покою и прощенью «равнодушием и ленью», «неспособны вы давно / Негодовать и ненавидеть» и в заключение – прямо-таки декларация разрыва: «Сочувствий ваших не ищу! Живите счастливо, бог с вами» [4, с.74-75]. Хотя Аксаков вроде бы и дал зарок больше к Смирновой не обращаться («Я неуместными речами Покоя вам не возмущу»), привести эту угрозу в исполнение он был, по-видимому, не в силах.

25 июня он сообщал, что Смирнова, узнав о существовании адресованного ей послания Аксакова, просила его ей прислать. Аксаков понимал, что сделать это «надо», «хоть это и неловко»: «Не надо было вовсе писать этих стихов, а уж если написаны, то, право, неловко было бы пускать их в ход потихоньку от нее» [Там же, с.276]. В конце концов, он все-таки послал ей требуемое стихотворение, присовокупив к нему стихотворную приписку, которая носила явно извинительный характер:

В порыве бешеной досады
В тревожных думах и мечтах,
Я утешительной отрады
Искал в восторженных стихах,
И все, что словом неразумно
Тогда сказалось ввечеру,
Поверил пылко и безумно
Неосторожному перу!
Веленью Вашему послушен,
Посланье шлю и каюсь в нем,
Хоть знаю, будет Ваш прием
И очень прост и равнодушен!..
Но, право, мне в моли стихи
Отныне не внесут укоров
Ни ряд обидных разговоров,
Ни Ваши скудные грехи [Там же, с.277].

Обратим внимание на такую деталь: повторенное несколько раз местоимение «Ваш» Аксаков везде пишет с большой буквы. В недавно написанном послании он Смирнову этим знаком уважения не удостоил.

Адресат послания оказалась настолько сдержанной, что о том, как оно было воспринято ею в действительности, мы никогда не узнаем. По сообщению Аксакова, «она очень хвалила стихи, перечла их и говорила, что их даже можно напечатать: «К Петербургской Даме», словом, как умная женщина, приняла вид самый равнодушный...». Вместе с тем он уловил замечание, которым он остался «очень доволен, потому, что это доказывает, что стихи не остались без впечатления, как она ни прикидывайся». Улучшение отношений не просматривается: «Душа моя давно от нее отвратилась, тем более что вчера опять говорила она разные вещи, которые несовместны ни с каким раскаянием и горечью души!» [Там же, с.276]. На

вопрос родителей относительно «сближения со Смирновой» следует ответ: «...Стихи мои не были какою-то детскою вспышкой, я точно так же думаю и теперь, и потому не может быть и не должно быть никакого примирения» [Там же, с.283].

Второе послание к Смирновой было написано около (не позднее) 24 августа 1846, этим числом датировано письмо, в котором единственный раз это стихотворение упоминается и характеризуется. Следует сказать, что среди писем Аксакова, которые вообще характеризуются эмоциональностью, это послание выделяется особенно высоким уровнем, напряженной взволнованностью: его автор не говорит, а как бы срывается на крик. Он переходит от одного предмета к другому, возвращается к сказанному, повторяет то же другими словами и даже не воздерживается от брани.

Несмотря на это, а может быть, благодаря этому, письмо, о котором идет речь, глубоко содержательно, богато ценнейшими сведениями и свидетельствами, комментариями к собственным произведениям, к истории и побудительным мотивам их создания, к отношению, которое они вызывали. Попробуем систематизировать этот богатый, интересный и чрезвычайно разнородный материал.

Прежде всего, присмотримся к тому, что Аксаков говорит о своем первом, вероятно, главном стихотворном послании А. О. Смирновой. Он гневно отвергает все попытки расценить его как клевету, обвинить их в грубости, неделикатности и даже подлости – это его бесит и оскорбляет. «...Вы не могли понять всего значения для меня этих стихов, этой сердечной, живой речи... Стихи, которыми я дорожу, стихи, самые горячие и искренние, которые когда-либо были написаны мною, эти стихи – вдруг выпачканы и осквернены прикосновением лиц, которых не хотел бы я вовсе видеть соучастниками моих внутренних движений» [3, с.297].

И вот об этих, самых дорогих и искренних стихах их автор далее пишет: «Дорого бы я дал, чтоб этих стихов не существовало... Лучше было бы после ссоры удалиться просто, а не писать их! Много принесли они тайной досады и оскорбления». Противоречие? Нет, трагедия в том, что он остался непонятым и даже оболганным. Поэтому чем дороже ему эти стихи, тем болезненнее обида за их судьбу. Обида не только на «равнодушного» Константина, «подлеца и свинью» Погодина, но, прежде всего на ту, для кого они писались, к кому были обращены.

Для Аксакова это стихотворение имело особое значение, он видел в них воплощение «сердечной, живой речи», так надеялся быть услышанным и понятым не кем-нибудь, а ею. «Я думал, что Смирнова оценит их, поймет, что они писаны были серьезно, с искренним, огорченным словом правды, за что нельзя обидеться, не должно обижаться человеческой душе! Я думал, что она огорчится, думал, что она будет оправдываться, забудет о самолюбии там, где дело идет о чистоте души. Но, зная ее, я все-таки не решился послать их к ней, ожидал случая и мог уже предвидеть оборот, какой примут дела. Этим объясняются мои вторые стихи, где слышна досада» [Там же, с.297].

Теперь, зная от самого автора и то, что послужило побудительным мотивом к написанию второго послания к Смирновой, и определяемую им доминанту стихотворения, обратимся к его тексту. Как и в письме, он весь в воспоминаниях о первом послании, о чувствах, которые были в него вложены, о надеждах, которые были с ним связаны. Отметим, что при сохранении в нем обвинительной тональности поэт все же пишет «Вы» с большой буквы.

Когда-то я порыв негодованья
Сдержать не мог и в пламенных стихах
Вам высказал души моей роптанья,
Мою тоску, смятение и страх!

Он порицал Смирнову из добрых чувств к ней, потому что желал увидеть ее «на высоте достойной, В сиянии чистейшей красоты», но его ждало разочарование, свои побуждения он оценивает словами: «Безумный бред, безумные мечты!» Главное обвинение, которое он выдвигает, вызвано тем, как Смирнова обошлась с доверившимся ей поэтом: то, что было обращено к ней одной, она сделала достоянием толпы, «света» и этим подтвердила собственную принадлежность к миру, который не вызывал у Аксакова никаких чувств, кроме решительного отторжения.

И этот бред горячего стремленья,
Что Вам одним я втайне назначал,
С холодностью рассчитанной движенья
И с дерзостью обидною похвал,
Вы предали толпе на суд бесплодный:
Ей странен был отважный и свободный
Мой искренний, восторженный язык,
И понял я, хоть поздно, в этот миг,
Что ждать нельзя иного мне ответа,
Что дама Вы, блистательная, света!.. [4, с.75].

Не будем забывать, что «дама света» в глазах Аксакова – страшное обвинение. Не зря он отвел этим словам завершающее, ударное место в стихотворении. Причастности к свету, близости к свету, апелляции к свету он не прощал даже родному брату Константину.

«Дурной поступок», который, по мнению Аксакова, совершила в отношении его Смирнова, состоял в том, что «на мою искренность она отвечала шуткой, насмешкой и похвалой и потом, как будто стоя на такой высоте, до которой брань не долетает, читала их всем. Вы не можете понять всей обиды такого поступка. Гнев ваш не смущает, брань не сердит, упрек не трогает, жар не увлекает, не вызывает на ответ, а вас хвалят за прекрасный порыв, смеются оригинальной выходке...» [3, с.297].

Таким образом, «искренность» автора послания включала в себя целый букет совсем не дружественных чувств: «гнев», «брань», «упрек». Оно писалось с целью и надеждой обидеть, рассердить, вывести из себя его адресата, вызвать встречный гнев, встречную брань, встречные упреки. А она взяла и не обиделась и не рассердилась: «она при мне читает их другим, которые во время чтения смотрят на меня исподлобья, улыбаясь, и потом говорит: «Прелесть!» Черта с два, можете представить себе, что вытерпело мое самолюбие в эти минуты... Мне нестерпимо больно и досадно». И спустя несколько строк: «В каких же дураках остался я с своим искренним движением, с своим горячим желанием видеть ее на другом пути, с беспокойной мечтой – вызвать ее на другой путь!» [Там же, с.298].

Очень важное признание! Значит «гнев», «упрек» и даже «брань» были вызваны совсем не враждебностью, напротив, в его душе явно были какие-то положительные чувства к ней, какое-то подобие симпатии и заботы. Он хотел ее, так сказать, исправить, наставить ее «на другой путь», не дать ей стать «дамой света». Неудачу этих попыток, крушение этих надежд Аксаков расценивает как «такие оскорбления внутреннего самолюбия, которые не прощаются». Он, который «всегда проповедовал о необходимости сдерживать внутренние движения», написав послание Смирновой, отступил от этого принципа, «стало, моя выходка мне еще больнее».

Это новое отношение к ней запечатлело второе послание. «Стихи, которые теперь пущены в ход (но которые, однако, едва ли я напечатаю, чтоб защитить себя еще от упрека), положили бездну между нами. Уничтожить их трудно, да и не могут быть они уничтожены, пока не уничтожен повод к стихам» [Там же, с.298]. Какие-то отношения и переписка между Аксаковым и Смирновой продолжались еще длительное время, но как тема его поэзии они перестали существовать.

Таким образом, отношения И.С. Аксакова с О.А. Смирновой составили целую полосу в его творческой биографии, и достоверное представление о них существенно дополняет все, что мы знаем о нем как о поэте и человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: в 4 т. / И. С. Аксаков. – М.: Тип. М. П. Волчанинова, 1888– 1896. – Т.1 –1888. –466 с.
2. Аксаков И. С. Письма к А. О. Смирновой / И. С. Аксаков // Русский архив. – 1895. – № 12. – С. 423 – 480.
3. Аксаков И. С. Письма к родным 1848-1849 / И. С. Аксаков. – М.: Наука, 1988. – 670 с.
4. Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы / И. С. Аксаков. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 300 с.
5. Смирнова–Россет А.О. Дневник. Воспоминания / А.О. Смирнова–Россет. – М.: Наука, 1989. – 790 с.

АНОТАЦІЯ

О.О. Смірновій-Россет належить помітне місце у літературному житті Росії свого часу. Дуже цікавими були її стосунки з І.С. Аксаковим, які залишили значний слід у його творчості. Вивченню цієї маловивченої теми присвячено нашу статтю.

АНОТАЦИЯ

А.А. Смирновой-Россет принадлежит заметное место в литературной жизни России своего времени. Очень интересными были ее отношения с И.С. Аксаковым, которые оставили значительный след в его творчестве. Изучению этой малоизученной темы посвящена наша статья.

SUMMURY

A.A. Smirnova-Rosset has a prominent place in the literary life of Russia. There were very interesting relationships between A.A. Smirnova-Rosset and I. Aksakov, and as a result those relationships left a significant mark on Aksakov's work. Our article is devoted to the study of this little-known topic.